

Полуденный небосвод. Солнце нещадно палило, достигнув в этот момент зенита и освещало лицо Бога.

Лицо изливало ослепительный свет, из-за чего простые смертные не могли поднять головы и взглянуть на него. Бог, находящийся высоко в небесах, был для всех живых существ сверхъестественным созданием, превосходящим пространство и время. Днём или ночью, наяву или во сне, в прошлом или будущем — Он оставался вечным.

Он был свидетелем всех изменений в этом мире, свидетелем жизни и смерти, а также свидетелем жестокого хаоса, возникшего из-за Его появления.

И остаточное тепло солнечных лучей, казалось, тоже находилось под влиянием Бога, став агрессивным. Оно словно не желало в это время года покориться законам природы и бесшумно исчезнуть.

Поэтому оно неистово высвобождало всю свою жару, проникая в каждый уголок города Семи Кровавых Глаз, пытаясь испарить всё живое.

В тени деревьев и под навесами крыш всё подвергалось незримому воздействию. Даже морской бриз не мог развеять эту жару, она словно яд проникала в самую суть, в кости.

Так же, как и в подол одеяния Сюй Цина.

На первый взгляд, он выглядел как обычно, но присмотревшись, можно было заметить, что на нём осели частички пыли, которые к этому моменту уже почти полностью испарились.

Исходящее от них зловоние, подобное злой и свирепой жаре, усиленной Богом, проникало под одеяние в плоть и кости Сюй Цина.

Это проникновение происходило невероятно быстро, с какой-то жадностью.

От появления до вторжения прошло всего несколько вдохов.

Сюй Цин спокойно опустил взгляд на подол своего одеяния, прищурился и направился к причалу.

Пыль на подоле была оставлена юношей клана мерфолков во время их недавней схватки. Если бы это был кто-то другой, то, вероятно, к этому моменту он бы ничего не заметил.

Ведь этот яд был бесцветен и не имел запаха, и в какой-то степени, возможно, это был вовсе не яд.

Но Сюй Цин был искусен в алхимии и особенно в ядах, и эта особенность заставила его вспомнить по крайней мере семь или восемь подобных лекарственных ингредиентов. Чтобы определить, какой именно это был, ему нужно было провести анализ.

Но в любом случае, эти многочисленные столкновения усиливали жажду убийства Сюй Цина по отношению к юноше.

"Время ловить рыбу пришло", — пробормотал Сюй Цин, подходя к причалу. В тот момент, когда он ступил на свою духовную лодку, он тут же активировал защиту, блокируя все внешние звуки, так что внутри лодки воцарилась тишина.

Затем, усевшись в каюте, Сюй Цин тут же оторвал подол одеяния.

Взяв его в руку, он внимательно осмотрел, а затем, взмахнув левой рукой, призвал шар пламени.

Хотя Писание Трансформации Моря основывалось на воде, для культиватора духовной энергии было обычным делом дополнительно изучать несколько элементов.

Об этом много говорилось в нефритовой табличке с техникой совершенствования.

В этот момент Сюй Цин взмахнул левой рукой, и огненный шар полетел к подолу, окутывая его и начиная сжигать.

Раздалось шипение, и поплыл лёгкий дымок.

Мерцание огня создавало на лице Сюй Цина игру света и тени.

Он смотрел, как горящий подол изгибается, как красные линии, возникающие от горения, быстро распространяются по всей ткани, превращая серую ткань в пепел, рассыпающийся от малейшего прикосновения.

Через несколько мгновений подол был полностью сожжён, и пламя медленно погасло.

Сюй Цин посмотрел на пепел в своей ладони, понюхал дым, исходящий от него, и пробормотал: — Это кровь призрачного скорпиона. Это и яд, и не яд одновременно.

В книге о травах, оставленной мастером Баем, упоминалось о нём. Это существо, обитающее в морских глубинах, было очень редким. У Сюй Цина самого было две особи, но он так и не нашёл вспомогательных ингредиентов, поэтому не использовал их.

Но он знал, что после обработки кровь этого существа становилась чудодейственным лекарством для заживления ран. А если смешать её с другими веществами, соблюдая баланс инь и ян, то исходящий от неё запах становился отвратительным для большинства чудовищ.

— И признаки травы рассвета, — Сюй Цин закрыл глаза, сделал вывод и открыл их снова. Его глаза были подобны чёрным омутам, невероятно холодным.

Хотя в книге мастера Бая не было описания того, что произойдёт при смешивании этих двух ингредиентов, но, исходя из его опыта, последний мог значительно усилить это отвращение.

Лёгкое отвращение заставило бы чудовищ избегать этого запаха, но сильное было равносильно провоцированию в них убийственного гнева.

Потому что отвращение, доведённое до предела, превращается в злобу.

Таким образом, при смешивании этих двух ингредиентов образовывалась особая жидкость.

Её свойством было проникать в кровь и плоть того, кто с ней соприкоснулся, пропитывая его этим запахом.

Поскольку сама по себе она не была ядом и не вызывала отравления, а даже немного питала организм, её было практически невозможно обнаружить. А избавиться от неё было ещё сложнее, поскольку она сохранялась в организме как минимум несколько лет.

Что же касается её действия, то она привлекала чудовищ, вызывая у них сильное отвращение. Например, как в густом лесу Запретной зоны лагеря мародёров, когда Сюй Цин впервые участвовал в походе отряда Гром, в кожаном мешке Мань Гуя была деревянная коробка с таким же веществом.

Только коробка Мань Гуя и вещество, которым был пропитан Сюй Цин, имели одинаковые свойства, но ингредиенты были несравнимы. Между ними была пропасть, как между небом и землёй.

— Если бы это произошло в секте, то не было бы большой опасности. Но если выйти в море... — Сюй Цин прекрасно понимал, что если он выйдет в море с этим запахом, то это будет билет в один конец.

Этот способ убийства не оставлял ни костей, ни следов. Он был коварен, как ядовитая змея, и действовал очень долго. Если бы Сюй Цин не разбирался в медицине, то, погибнув, он вряд ли бы догадался, кто его настоящий враг.

— Интересно, сможешь ли ты заметить мой яд? — В глазах Сюй Цина вспыхнул холодный блеск. Юноша из клана мерфолков отравил его, но на самом деле это был момент, у которого

имелось особое выражение: богомол ловит цикаду, а сорока поджидает сзади.

Во время предыдущей атаки Сюй Цин тоже отравил своего противника!

Этот яд также был безвреден и служил меткой.

Только юноша пометил его для привлечения морских чудовищ, а он пометил юношу для смерти на берегу.

Сюй Цин сохранял невозмутимое выражение лица. Он собрал пепел от сожжённого подола, затем открыл пространственную сумку, посмотрел на пилюли внутри и поднял взгляд на окружающие шкафчики с травами.

Он не был специалистом по противоядиям, особенно против такого рода вещей, которые не являлись ядом в прямом смысле. Поэтому целебная сила фиолетового кристалла в данном случае была бесполезна.

Но он был искусен в ядах.

Поэтому Сюй Цин спокойно достал несколько ядовитых порошков и пилюль, без всякого выражения на лице проглотил их, а затем смешал семь или восемь видов ядовитых порошков, вдохнул их и втянул в себя.

В следующее мгновение его тело содрогнулось, на лбу выступил пот, но он продолжал сидеть, молча терпя жгучую боль от яда, распространяющегося по его телу, и накапливая в себе жажду убийства. Он был спокоен, как перед бурей.

Яд сжигал его внутренние органы, кости, плоть.

Если уж запах призрачного скорпиона и травы рассвета невозможно было вывести, то он решил использовать яд, чтобы подавить их, а затем восстановить свой организм с помощью своей сильной регенерации.

Этот процесс длился целых два часа.

Когда на улице наступили сумерки, Сюй Цин медленно открыл глаза. Они были налиты кровью. Яд в его теле был полностью нейтрализован благодаря его удивительной способности к регенерации, а вместе с ним исчез и запах призрачного скорпиона.

Тщательно проверив себя и убедившись что всё в порядке, Сюй Цин поднял голову, посмотрел на закат за окном каюты, его взгляд был глубок.

Он пробормотал: — Скоро я смогу хорошо выспаться.

Затем он молча встал, умылся и закрыл глаза.

Спустя мгновение солнце на небе, словно уступая место луне, померкло, и сумерки сгустились, а на небе повисла тёмная луна.

Редкие звёзды на небосводе напоминали мерцающие огоньки на кладбище, незначительные и служащие лишь украшением.

Эта ночь была создана для убийства.

Сюй Цин открыл глаза и спокойно убрал железный прут в рукав, затем наточил кинжал и засунул его за голенище.

После этого он проверил свои запасы яда и не спеша собрался, а затем вышел из духовной лодки, мгновенно ускорился и исчез вдали.

Лунный свет, холодный и безжизненный, падал на землю, отражаясь от крадущейся в тени, словно ветер, фигуры юноши и от его глаз, подобных глазам одинокого волка, делая их ещё более ледяными.

Морской ветер, пронизывающий холодом, обдувал юношу, развевая его длинный халат и чёрные волосы, но не мог развеять особый аромат, исходящий от метки и распространившийся по всему главному городу.

В конце концов, он превратился в свист раздавшийся в его ушах, словно трубящий рог, возвещающий о начале убийства.

Он шёл убивать.

<http://tl.rulate.ru/book/76007/4986192>